ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МУЖЧИНЕ В ЖЕНСКОМ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ РАССКАЗЕ

М. А. Толстова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск

Введение. Выявлены представления о мужчине в женском диалектном дискурсе.

Материал и методы. Источником исследования послужили женские автобиографические рассказы, собранные автором в диалектологических экспедициях в 2016–2019 гг.; тексты Томского диалектного корпуса, включающего материалы экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по наши дни в районы распространения говоров Среднего Приобья. Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивного направления гендерной лингвистики.

Результаты и обсуждение. Базой для выявления гендерных представлений и стереотипов является наличие лингвистических оппозиции «мужественность – женственность», в рамках которых противопоставляются личные качества мужчин и женщин и особенности их поведения. Определено, что мужчина по сравнению с женщиной менее бережлив, более склонен к пьянству. Противопоставление женщин и мужчин происходит на основе разделения трудовых обязанностей. Важным параметром для вербализации гендерных представлений является статус в браке. На уровне языка это находит отражение в частотном употреблении лексической единицы *муж*, в наличии значительного числа синонимов к данной единице. Как правило, рассуждения женщин о себе и своей жизни сопровождаются оценкой супруга и жизни с ним в браке. Наиболее ярко представления о мужчине фиксируются при характеристике его личных качеств. Женщины чаще всего оценивают мужчину исходя из его работоспособности, трудолюбия, хозяйственности, социальных достижений. При характеристике мужа важным оказывается его отношение к жене, наличие любви между супругами. Пьянство и агрессивность мужчины осуждаются. Негативно оценивается проявление мужчиной типично женских качеств: болтливости, склонности и скандальности.

Заключение. На содержание женских представлений о мужчине оказывают влияние особенности сельского существования, основу которого составляет труд, наличие патриархальных гендерных стереотипов, социально-исторические события и процессы. Выявленные гендерные представления обладают дискурсивной спецификой, обусловленной гендерной идентичностью говорящего.

Ключевые слова: *гендер, гендерная лингвистика, диалект, автобиографический рассказ, мужчина.*

Введение

Гендер рассматривается в неразрывной связи с коммуникацией, которая оказывает глубокое влияние на содержание и функционирование гендерных представлений.

Вслед за Е. С. Гриценко под гендером понимается «конвенциональный идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [1]. Гендер имеет динамический характер и по-разному воплощается в различных дискурсивных практиках. Дискурсивная реализация гендерных представлений и стереотипов показывает аспекты их содержания, актуальные для данного круга носителей языка и временного среза.

К настоящему времени гендерные характеристики исследованы в следующих типах дискурса: политическом [1, 2], педагогическом [3], лексико-графическом [4], американском песенном дискурсе [5], дискурсе глянцевого журналов [6], сказочном дискурсе [7], женском мемуарно-автобиографическом дискурсе [8], СМИ [9] и др.

На материале диалектного дискурса рассмотрены гендерные характеристики картины мира [10,

11], функционирование концептов «мужчина» и «женщина» [12–14], обосновано выделение гендерной диалектологии как отдельной отрасли знания [15].

Материал и методы

Настоящая статья посвящена выявлению представлений о мужчине в женском диалектном дискурсе. В качестве источников использованы устные тексты, собранные автором в диалектологических экспедициях (с. Мельниково, с. Монастырское Шегарского района, д. Больше-Жирово Асиновского района) в 2016–2019 гг.; Томский диалектный корпус, включающий материалы экспедиций, организуемых сотрудниками Томского государственного университета с 1946 г. по наши дни в районы распространения говоров Среднего Приобья. Всего было проанализировано 400 текстов.

Данные тексты отражают речь женщин, рожденных с 1899 по 1956 г. и ставших очевидцами исторических событий, происходивших в стране в XX – начале XXI в. В данном случае важным является как протяженность временного отрезка, так и насыщенность событий (Гражданская война, рас-

кулачивание, Великая Отечественная война, перестройка и т. д.). Эти события оказали влияние не только на жизнь женщины, ее идентичность и языковую картину мира, но и на гендерные представления, касающиеся распределения социальных ролей, различия в трудовой деятельности, характеристик внешности, личностных качеств и социально-психологических свойств мужчин и женщин. Гендерные представления включают в себя собственно представления, стереотипы и идеалы, отражают культурно обусловленные оценки и репрезентируются на всех уровнях языка, следовательно, могут быть исследованы через языковые структуры.

С точки зрения жанровой принадлежности большинство диалектных текстов, записанных в диалектологических экспедициях, по мнению С. В. Волошиной и Т. А. Демешкиной, носят автобиографический характер. К жанру автобиографии относятся два типа текстов: 1) тексты, в которых преобладает автобиографическая доминанта, – это рассказы о своей жизни в настоящем и прошлом времени; 2) тексты, в которых повествуется о своей жизни, но включается часть воспоминаний [16, с. 15].

Исследуемые тексты содержат не только информацию о себе, но и о своей семье: родителях, муже, детях, событиях в личной жизни, о различных сферах деятельности.

Выявление представлений о мужчине в женских автобиографических рассказах включает в себя:

- выявление гендерно маркированных лексических единиц, содержащих в той или иной форме указание на пол референта, а также слов с оценочными семами, служащих для характеристики мужчин;
- анализ лексических пар, противопоставленных друг другу по оценочному признаку «положительное» – «отрицательное», в оппозициях «мужчина – женщина» и «норма – отклонение»;
- определение специфики представлений с помощью контекстуального анализа.

Результаты и обсуждение

Для обозначения лиц мужского пола приводят следующие имена существительные: **мужчина, мужик, мужичонка, мужичок**: Мужик, хозяин. Мужчины не говорили – это по-правильному. Како' тогда' по-правильному; Как? Тогда' не было ничего плохого, тогда' народ был честный, и знаете, мужчины каки' были? Это идеальные мужичины; Мужчину мужичонка зовут: «Хороший мужичонка, рабочий, старательный». Не' котору надо женить. Она бабёнчишка и старательна, и чисто'тка, и славная. Нет, не обидно это – бабёнчишка и мужичонка называть. А так вроде меня назовут – так ничё хорошего; Ну сели ужинать, а за ужином он выпил немножко тут, мужичок-то

и хриплым таким голосом: «А! Ты моя красавица, мы с тобой лучше всех выборы проведём!».

Ключевой номинацией, имеющей большее количество словоупотреблений, является лексема **мужик**: *А мужики, когда в бор поедут или за сеном, шаровары, чембары надевали; Бувало идёшь в больницу, один-два человека. Сейчас идёшь, ву'ступили мужики одни.* Обращает на себя внимание то, что в исследуемом материале отсутствуют фиксируемые словарями негативные оттенки лексемы «мужик» (Ср.: Мужик. 1. Трад.-нар. Деревенский (обычно женатый) мужчина, крестьянин. 2. Разг.-сниж. О любом мужчине. 3. Разг.-сниж. Муж, супруг; сожитель. 4. Разг.-сниж. [17]).

Рассмотрим высказывания, содержащие данные лексические единицы.

Базой для выявления гендерных представлений и стереотипов является наличие лингвистических оппозиции «мужественность – женственность», в рамках которых противопоставляются личные качества мужчин и женщин и особенности их поведения. Так, мужчина по сравнению с женщиной, менее бережлив: *Много дряхлятины там в сарайке залежалось. А выбрасывать жалё. Какая баба добро своё прошлое выбрасывать станет. Мужик рад, всё повыбросит;* более склонен к пьянству: *Пили мало, кто совсем не пил. Мужики напивались, а бабы не пили, чтобы шибко напиться.* По данным Томского диалектного корпуса, слово **пьяница** применяется по отношению к мужчине 25 раз, по отношению к женщине – 5 раз.

Кроме того, мужчина по сравнению с женщиной больше ест и пьет, поэтому порции еды и напитков, размер посуды для них также должны различаться: *Чашки глиняные делали, из них похлёбку хлебали. Чашечки энти бывали самы разные по величине. Отцу давали побольше, он как мужчина много ест, женщинам доставались меньше, а маленькому уж сама ма'ленька. А они все были кре'пки, уж сразу бывало даже что и не размозжишь её; Стаканы и стопки. Е'слив нету, налива'шь тогда женщинам в стопку, а мужикам уже в стаканы.*

Противопоставление женщин и мужчин происходит также исходя из разделения трудовых обязанностей: *Лён сеяли, тут же его молотили. Ну его уж не сушили, просто так молотили. До него мужики не брались, это бабы. ...На фирме работала, конюши'ла, на <конбаным> ездил, на тра'хторах воду возила – муска' да женска работа; Ну и трудненько же приходилось. Ну никак это не женская работа-то была. Но когда уме'шь, не страшно ничего; Мужик – он дом построит, лес рубит, рыбу ловит, пашет, жнёт, косит, печь выложит, а баба в этой печке и готовит для его – хозяина своего. Ведь мужчина – дому голова, он значит и есть настоящий хозяин.*

В то же время социальные и исторические факторы (работа в колхозах и совхозах, Великая Отечественная война, тяжелое послевоенное время) способствовали стиранию границ между женской и мужской работой: [Была работа женская, мужская? Разделялась?] *Вы знаете, никогда не разделялась. Или вот про лесозавод я могу сказать, что на самых тяжёлых работах работали женщины; Ну, приходилось все-все-все работы и мужские, и женские. Я работала и грузчиком – тяжело, зерно вот как поспеет.*

Важным параметром для вербализации гендерных представлений как для мужчины, так и для женщины является статус в браке. На уровне языка это находит отражение в частотном употреблении лексических единиц **муж**, в наличии значительного числа синонимов к данной единице (**муж, мужик, старик, хозяин, муженек, супруг**): *Мужик – мужчина, муж. «Мой Мужик ещё не вернулся»; В Пудино я муженька своего проводила, в сорок первом году это было. В сорок первом же его и убили. Мы в Ла'скиной двадцать восемь лет про'жили. А приехала я туда третьего июля, сразу как муженька проводила; Мать мене долго не проишла'ла, сердилась, а я-то что могла поделать. Он-то уж моим законным стал муженьком; У меня мужика убили в сорок тре'тем году; Так-то мы здешние. Я-то нестеро'вска, а хозяин здешний; Вёсны рано зачинались, у меня старик горох сажил в апреле.*

В крестьянской культуре браку отводилась ключевая роль в жизни человека. Такое представление складывалось под влиянием различных факторов: христианской культуры, в рамках которой вступление в брак – это выполнение божьей воли, и социально-экономических условий жизни русской деревни: полноценное крестьянское хозяйство могло развиваться только при наличии в нем мужских и женских рук. Это подтверждают контексты, в которых говорится о роли мужчины в семье: *Ну он пришёл к нам в дом, уж у него семья большая была у их. Мой отец сказал ну, Илья, переходи к нам, у нас будешь помогать, у нас не было, семья большая у нас была, помогать некому, мужчина будет, помогал бы нам, и вот он жил у нас.*

Как правило, рассуждения женщин о себе и своей жизни сопровождаются рассказами о жизни в браке: *А у нас свои с им были разговоры. А родители как хо'чут. А мы знаем, что мы должны сойти'ться и жить. Вот, мы сошлись с им хорошо жили, на нас все завидовали, что мы хорошо живём. У нас ребяташики уже пошли. Ребяташики пошли в школу; А дядька-то мой чё только мне не наговорил, когда я замуж убежала. Тож сильно ругался. Но ничего не поделаешь. Мы любили друг дружку. Молодые были, кровь в нас текла горячая.*

Бабушка моя тоже сильно ругалась. А мы с мужем хорошо жили. Всех в моей семье было шестеро; Меня спросили, когда сделать свадьбу, я сказала: через две недели, раньше я не могу. Я в обиде не была. Конечно, в семье, говорят, не без грома, но хорошо жили. Тяжело было забывать, как он умер; Одиннадцать штук вырастила всего шестнадцать было. Двое в войну погибло. В среди'не всё болит. С мужем плохо жила, би'та-переби'та. Чаво' тут делать, они работают, а денег ни копейки нет.

Показательны высказывания, в которых оценка жизни женщины зависит от мужа, его черт характера и отношения к жене: *Вот уважайте родителей, не скандалить, где-то мужу, может быть, и уступить даже. Потому что, всё равно главой семьи как-то считается мужчина. Мы против мужиков всё равно не такие. Физически даже у нас силы такой не хватит. И он будет любить вас, будет беречь вас. Где и виноват, сам попросит прощения, и жизнь будет хорошо. И деточки пойдут, тьфу-тьфу, чтобы.*

Женщины, оставшиеся без мужчин, оценивают свою жизнь как тяжелую: *А ведь без мужика эт чижало', очень чижало': мужи'цку работу работать; Замуж вышла, тоже не повезло, его взяли в солдаты, он вздумал меня бросить. Я всю жись работала. Кто с мужиком жил, тому легче было, тех как-то обходили, кода' на поле звать, а мы всё работали; И живи как хоти'шь. Совершенно одна. Некому кола' забить. Не дай господи никому, чтобы такая судьба досталась. За одного вышла – неудача, за другого вышла – неудача; Ну, думаю, не дай бог кому мужа терять – худо дело, чё и говорить; В войну шибко я мучилась, одна без мужика, с девкой. Да от второго мужика было два парня; А у меня когда, мужик ушёл, ещё труднее стало.*

В диалектных текстах частотны высказывания, в которых отсутствие мужа оценивается более негативно, чем наличие даже самого плохого мужчины: *Она ишио' говорила в прошлом го'де: «Мама, я где-нибудь найду старика или старушку, с квартиркой и крадучись от него спрячусь, уеду». Ну как, как уедешь? Где-нибудь найдет да убьет. Я ей всё говорила: «Валя, при худым худо и без худого плохо. Так-то жить надо. Может, он в ум войдет».*

Рассуждения информантов о выборе жениха иллюстрируют их гендерные ожидания. Так, значимыми факторами оказываются внешние данные, трудолюбие, материальное благосостояние: *Вот невесту едут сватать сватовья, приедут да давай нахваливать жениха. Вот и хорош он, и красив, да работающий такой, да усватывают, да усватывают; материальное состояние семьи жени-*

ха: Замуж так выдавали, с Ишиму приехал парень. Вперёд вышла замуж подружка моя. Против жила. Выдали её за нелюбимого парня. **Сильно богатой был...** Приехала за ей, а она плачет, убивается, а отец говорит: «Пойдёшь, – говорит, – хватит в девках сидеть, **жених твой богатый мушьяна**, горя за им знать не будешь».

Информация об идеальном мужчине вербализирована в рассказах о гаданиях, целью которых было получить информацию о будущем муже: Ну а тут интересно же было что: **будет–нет муж пить, как жить – хорошо буду, нет?** [А это как гадалось?] Насыпала зёрнушек, поставила воду и зеркало, если **модник будет муж**, будет в зеркало смотреться, если **бабник**, то за курицей побежит, и курицу тут же... петуха и курицу. Ну и он и в зеркало смотрелся, и водичку попивал, и за курицей бегал; Гадали по-всякому. И в божественские, как их щас называют христианские праздники, и в простые дни. На сугроб ложились. Это иногда сбывалось. Если значит ляжешь, упадёшь на снег и там твоя вдавленная фигура без складок окажется, **то значит хорошо жить будешь, муж тебя любить будет**. Ну, а если фигура со складками, значит **будет тебя муж бить**, а складки это рубцы – плохо значит бабе придётся.

Лексические единицы, именующие мужчин, которые не состоят в браке, входят в следующие группы:

– **холостой, холостяк** – неженатый: Семья у нас была, я самый последний был, **холостой** был. В двадцать вторым уволился и женился в тем же году; Мой племянничек, [в]от сестры сын да Лёнька, вот продавца [о продавщице] муж. Ну они тогда **холостяками** были...

– **вдовец, овдовец** – оставшийся без жены: У ей тоже семьи'иша была. Моталась, моталась, да и за'муж зду'мала. За **вдовца** пошла; Племянница моя померла, племянник мой вдовец стал; Если уж возьмёт какой-нибудь **овдовец**. Невеста, может, богата, ей деваться не'куды – идёт за бедного. Или кака'некраси'ва...

– **разжён/разжён** – разведённый мужчина: Вот мы, примерно, были девчонки. Один нас путал, если мы в жыке'тках, так он и не знает кто, а он её и взял. Мы тогда'задами, огородами, сами хохочут, а я <с новым> духом ничё не знаю, ну чё, если дружил бы с ним. **Разжён** мы его звали; **Разжён** их называют от разошлись и всё.

В то же время обращает на себя большее количество номинаций женщин, чем мужчин, фиксирующих их незамужний/неженатый статус. Ср.: **девка, старая девка, старая дева** – незамужняя женщина; **вдова, вдовуха/овдовуха, вдовушка, траурница** – оставшаяся без мужа; **разлучница, любовница, полубовница, присяжная баба** – женщина,

находящаяся во внебрачной связи с мужчиной; **брошенка** – брошенная мужем.

Отсутствие категориальных контрагентов к таким единицам, как, например, **брошенка**, можно объяснить тем, что для мужчины быть брошенным женой не является типичной ситуацией в соответствующей социальной реализации, поэтому и не фиксируется в языке.

Наиболее ярко представления о мужчине фиксируются при характеристике его личных качеств. Так, женщины чаще всего оценивают мужчину исходя из его работоспособности, старательности, трудолюбия. Трудолюбивый мужчина характеризуется с помощью лексических единиц с положительной оценкой: **работяга, рабочий, работающий, старательный**: Он тоже такой **работяга** был, таких у нас...; Ну, баской – это говорят: «О, баской!» Счас говорят. Баской, хороший, гыт, такой, баской, гыт, ага. [То есть красивый?] Нет, как-то **работяга** такой. Живой человек; У нас отец был очень хороший, не руга'тельник, скромный, **работающий**, беспредельно **работающий**; Мужик-то хороший, **рабочий**. Видать, что **рабочий** парень; Вот, например, хороший хозяин, **работающий** надёргат коноплёт это, потом измолотит, провеет и государству сдаст; Мужчину мужичонка зовут: «Хороший мужичонка, **рабочий, старательный**»; Мужик-то мой был такой **работяшиный** (вот люди не дадут соврать), дак мы с <ым> всё на пару в колхозе трудились, е'то как раз в двадцать девятом году происходила у нас коллективизация.

Неработающий мужчина осуждается, что выражается в употреблении таких номинаций, как **лодырь, лентяй, гулеван, в использовании глаголов болтаться, гулять**: Муж ничего делать не умеет, не болеет он – **лодырь** такой. Человек сам должен делать что-то. // Вот она-то там сколько лет, лет десять ли боле рабо'тат. А и ему можно было там гру'ишиком устроиться. А вот начал **болтаться**, пить надо, те'иша-то ему него'дна. А Гутя взяла да и в милицию пожаловалась. А милиция прибежали да его забрали. // Мало рабо'тат, много гуляет – **лодырь, гулеван, пьяница**.

Важную роль играет хозяйственность мужчины. Мужчина называется **хозяином, хорошим хозяином**. Использование прилагательных **каждый, любой, настоящий** указывает на идеальное представление о мужчинах и женщинах: Голода в наших местах не было. **Любой хозяин** поедет с сетью и привезёт обязательно и не'льмов, и муксунов; **Ка'жрый** худой или хороший **хозяин** лошаде'ку-то имел. У **любого хозяина** раньше обласок был. Кто поскромнее, за'возни были на гребя'х. **Ка'жрый хозяин** старался заготовить дрова весной. Раньше какие продукты-то были: хлеб, соль, спички, **каждый** хозяин всё своё и держал.

В следующем высказывании вербализирован традиционный стереотип о распределении трудовых обязанностей: *Мужик – он дом построит, лес рубит, рыбу ловит, пашет, жнёт, косит, печь выложит, а баба в этой печке и готовит для его – хозяина своего. Ведь мужчина – дому голова, он значит и есть настоящий хозяин.*

Сферой существования мужчины в пространстве дома является двор: *И я всегда любила и люблю, всегда говорили: «Крыльцо – это женское лицо». Вот так. Да, как в избе, такова и хозяйка. Как во дворе – такой и хозяин. Хороший и всё, вот так; Шубу надела ли чё. У мужика своя работа – двор чистить. А тапе'рь все таки молоды. Ты будто и не знашь.*

Образ мужчины неотделим от обязательных атрибутов его поведения, основными из которых становятся сила и выносливость. Показательным является употребление сравнения **как мужик, как мужчина** по отношению к женщине, когда речь идет о выполнении тяжелой работы: *Я была и баба, и мужик. И всё, всё сама делала, всю мужскую работу, считай; Я грю: «Я не могу с пустыми вила'ми ходить». Я что мужик: зацепляю вилы, было деревян'но зацеплю плас, так воткну, подниму и попёр... наравне с мужиками, вот у меня, девочки, и руки, я стану.*

Хозяйственность мужчины должна проявляться не только в пространстве дома, но и в профессии, общественной и административной деятельности: *Потом другой председатель, хорошего прислали. Хороший мужик, хозяйственный; А при этих всё разорили. Я но'нче пошла в контору, поглядела на фирму: всё по'ло-го'ло, все окна, и тут у гаража здание ка'менно двухэта'жно – все окна повы'таскали, все рамы. Это куда го'дно? Да ра'зе путя'вый бы хозяин дошёл бы до такой поры?*

В зону оценки мужчины попадают и социальные достижения: *На Почтовом жили, он... с городской доски [почёта] и не снимали его. Раз, потом другой фотография, опять, опять вешают.*

Позитивно оценивается доброта мужчины, спокойный нрав, отношение к детям: *Мужик-то у меня добрый был, работающий, детишек любил; Ну, он... на шесть лет он был ма'ми старше. Он ещё... вот. Ну... хороший мужик был, не обижал. Помо[гал]... вот я замуж вышла, и... всё-таки он чужой человек, и он помогал.*

Как неблагоприятный фактор отмечаются строгий нрав, агрессивность мужчины, склонность к рукоприкладству: *Одиннадцать штук вырастила всего шестнадцать было. Двое в войну погибло. В среди'не всё болит. С мужем плохо жила, би'та-переби'та. Чаво' тут делать, они работают, а денег ни копейки нет.*

В свою очередь, отсутствие данного фактора позволяет оценивать женщинам семейную жизнь как благоприятную: *Я одна живу. Есть сын, есть дочь, у сына сноха – не надо, у дочери – зятю не надо, раньше жила – хорошо жила, мужик спокойный был, не дралси.*

При характеристике мужа важным оказывается его отношение к жене, наличие любви между супругами: *Муж у меня хороший был. Шибко уж он меня любил. Нонче бы так всё ладили, как мы с ём ладили.*

Распутство, неверность мужчины по отношению к жене осуждаются, что выражается в употреблении лексических единиц с негативной окраской: **бабник, блядун, кобель**: *Мужчин, который часто женицин меняет – это блядун, бабником зовут. // Ну тут уже я плакала, ничё не помню. То, что он же... уже я четвёртая у него. У него же три жены было, три раза женился. Но детей ни у кого нету. Только мои дети. [А прежние жены, что с ними?] А... бабник был хороший; Бабник – тот, кто женский пол уважает. Сами знаете, чё говорить; У меня шибко хороший муж был. И красивый, и кудрявый, но уж шибко бабник. Ой, уйду, ой, уйду, уйду! ... У него два сураза. Везде были у него бабы... А что привозили – всё он мне берёт... А ласков и хорош: «Груня, Груня, Груня», а сам чё-то шишелкнет – придёт домой чё кода вот неделю не жил. А придёт, поживёт с неделю и пойдёт у этой у суки; Маленький, а уже бляду'н был. Ско'ко баб до меня. Я из-за него то'ко страдаю. Одну привёз, а она мужу своёму зво'нит. От как. А тут одну молодую' привёз. Он к ней, а она ревет. Я говорю: «Ты иди, вот диван свободный», – не идёт. Вот какой был. И отец такой же был, блядун. Ско'ко тоже баб перебы'ло; Вот сын меня ко'бель был, не был, он и сейчас такой.*

По отношению к гулящему мужчине используются глаголы **таскаться, блядовать, моруханить, шахерить, гулять**: *Мужик мой плохой был. Таскался по бабам. Я уж по-простому говорю; Не знаю. [Русское вообще или нет?] Мене' не спрашивали. Русский. [Может, говорил. А занимался чем?] Блядова'л. [смеются]. Бабы любили его, он баб любил. Мама тоже бе'дна переживала; Муж гулял бы с другой, она жену его спортила. Он бы с ей моруханил, ну, шахерил, таскался, значит, а порчу таку пустила: жена шишенья принесла, родиха-то.*

Негативно воспринимается наличие предшествующего брака у мужчины. Такого мужчину называли **женатиком** (2): *Разводу не было никакого. А щас что де'лается. Месяц, два по'жили – развод, характерами не сошлись, слабость большая была. И тоды' никак их разводов не было. Раньше было какой-то был позор. Ежели ты только с женой разошёлся, ты к женицине не подойдёшь. Она тебя*

не примет. А девки – вовсе. «**Женатик**» говорят. // **Женатик** – женился который, девки так и говорят: уходи, **Женатик**!

Осуждается также и случаи, когда мужчины берут в жены молодых женщин или девушек: Ду'рность у мужчины была – он старый был, а в жёны молодую взял.

Традиционно осуждается пьянство. Мужчину называют **пьяницей**, **алкоголиком**. Как уже было отмечено, по данным Томского диалектного корпуса, слово пьяница применяется по отношению к мужчине 25 раз, по отношению к женщине – 5 раз: *Тех, кто пьют – **пьяницами** зовут. Это первая стадия, а уж последняя – **алкоголик**; Муж был **пьяница**, хороший-прехороший, первое место занимал, наверное. В семье были скандалы: он нас гонял, он нас обижал, и бил.*

Пьянство является причиной разрушения семьи, болезней, смерти: Муж в милиции работал, потом стал выпивать, скатился – сопровождающим почты был, водка довела до ручки. Умер он у нас. Люди много пьют, мало пили бы – больше порядка бы было. Много пьют – много неприятностей всяких, особенно в семье. Умирают много люди – и всё равно не каются. Мой был вон какой здоровый – в два раза шире и в два раза выше, а сердце отказало и умер. Он был здоровый – да миокард сердца признали – от алкоголя ли он завёлся или сам. От чё попало пьют, чё попало. Так они-то напьются, а жёнам как досаждают. Други' воруют деньги, крадут, да пропивают, ве'ишы пропивают у жены. У жены ута'ишат каки'-нибудь отре'зы. Не дай Бог это вино!; Так а умирают-то ра'зи мало? Ско'ко их теперь умерло-то от вина. Молоды' вон каке'. Да. Вот нынче два мушш'ны молодых умерло. Конбайнёр хороший был. Большие его хлеба никто не убирал. И скотины полно, и машина своя. А заболел – печень. А потом двухсторон'нее воспаление. Мигом свернулся и умер.

Пьющий мужчина сравнивается с животным: Нельзя людям до зверя' уподобляться, на то и люди, что ум у нас и правила. И всякое сильное животное нам покорствуется. Оттого, что мы люди. А он напьётся и звереет. Зверя в себе не может удержать. Выказывает свою натуру зверскую. Мужики, они все звери; Я вот спуш'шусь, зареву': «Анна, ты не спорь с ним». А назавтра синяки, я говорю: Ты почто' зуба'рила с ним? **мужики** они таки были всяки зверьё, вот чё-нибудь нела'дно, сделает и нахле'ишет ей.

При характеристике мужчины склонность к алкоголю упоминается довольно часто, поэтому непьющий мужчина получает положительную оценку: В ей семья есь: мужик, двое детей. Хороший, говорят, мужик, **не к'идается за вином**. // Потом меня от комсомола хотели отправить учиться, а

я замуж вышла. Он у меня **непью'ишый**, не гуляющий. Если даже друзья пришли, он без меня водку тую и не трогает; У меня мужик смирный был. **Пил маленько**, в праздник; **Брат не пил**, не курил, ой, какой он был; Муж-то у меня второй немолухой, **вина не пьёт**, только немолухой; Он хороший парень был, **водку не пил**, такой умница был парень; А у меня внучек живёт, парень, не живёт, а так, спать ходит, хороший парень, **вино не пьёт** и не курит.

Частотны контексты, в которых употребление алкоголя мужчиной не оценивается негативно при условии, что алкоголь не влияет на выполнение им трудовых обязанностей: Не скажу, что не пил, но не сидел, помогал. В огороде всё поможет сделать. Картошки все вы'копат. // У меня у самой старичок был, слишком крепко пил. От два дня прогуля'т, а на третий иишо' похмели'тся, и начинают вкалывать – он кузнецом был. Он ишибко работал: лошадей ковал, жеребцов ковал и быков. Всё делал, всё. В городе е'тому учился. // Ну, он и сам воро'чат здорово. Трезвый-то, воро'чат.

Негативно оценивается проявление у мужчины типично женских качеств: болтливости, склонности и скандальности. Показательным является употребление по отношению к мужчине сравнения **как баба**: Бывает, по пьянке поговорят мужики, а он пойдёт и передаст. Вот и говорят, что так только баба может сделать, **ты – баба**; Просто заголосил, **как баба**, заголосил, закричал.

Характеристика внешности мужчины представлена гораздо меньшим количеством номинаций, чем группа, отражающая внутренние качества мужчин. Женщины ценят высокий рост, силу, что подтверждают такие наименования мужчин, как **верзила**, **воротила**, **детина**: **Детина** – это большу'ишый такой, прилагательные **здоровый**, **огромный**: Один он у меня и внук. Вот. Такой же **здоровый**, как он; Мой был вон какой **здоровый** – в два раза шире и в два раза выше, а сердце отказало и умер; И тоже жизнь у него сло'жилась не очень хорошо. Он всё время на работе, а жёнам надо бегать, а он целыми днями отдаёт всё. Вот иас уже на пенсии, и работает. Хороший стал такой, красивый, **здоровый**. Брюки на нём белые и эта, ну прям красивый.

Отклонением от нормы считается ситуация, в которой мужчина оказывается слабее женщины: Он так-то он пониже меня, а такой **вя'хлый**, никакой силы нет, его **люба'девка изобьёт к чёртовой матери**.

При описании внешности мужчины обращается внимание на его лицо: Мужчин **фигуристов** много – не знаешь, кого любить. Анатолий Карпов – лучший шахматист, **мордочка его нравится** на афишах, на обложках.

Негативно оценивается наличие лишнего веса у мужчины, появление которого женщины связывают с ленью: *Муж здоровый есть, а он ленивый, а хозяйка за всё. Он не работает, отлёживается. Отрастил живот. Организм хорошая, питается хорошо, работает мало, вот и растёт живот.*

Заключение

Таким образом, анализ, проведенный с использованием оппозиции «мужественность – женственность», показал, что на формирование представлений женщин о мужчине оказывают влияние специфика сельского существования, основу которой составляет труд, наличие патриархальных гендерных стереотипов, социально-исторические события и процессы.

Выявленные представления обладают дискурсивной спецификой, обусловленной гендерной идентичностью говорящего. Выявленные смыслы чаще всего связаны с отображением межличностных отношений «мужчина – женщина». Мужчина оценивается чаще как муж, человек, занимающий большое место в жизни женщины, поэтому высказывания о нем являются неотъемлемой частью любого женского автобиографического рассказа.

Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-412-700001p_a «Автобиографические практики как способ отражения социокультурных процессов региона»).

Список литературы

1. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2005. 401 с.
2. Куницына Е. В. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты: на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 249 с.
3. Черных О. Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе // Вестн. Челябинского гос. пед. ун-та. 2012. № 4. С. 307–314.
4. Сергеева М. В. Динамика гендерных репрезентаций в британской толковой лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2007. 27 с.
5. Дунашева Л. Г. Лингвокультурные особенности конструирования гендера в афроамериканском песенном дискурсе: на материале жанров блюз и рэп: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2012. 234 с.
6. Лазеева Н. В. Языковое конструирование гендера в дискурсе глянцевого журнала // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2012. № 4. С. 21–24.
7. Демина М. В. Гендерная концептосфера британского сказочного дискурса: от традиции к современности // Вестн. Самарского гос. ун-та. 2006. № 10-2 (50). С. 90–97.
8. Минец Д. В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2012. 177 с.
9. Чернышова Е. Б. Гендерная специфика оценочной стратегии ассоциирования носителей русского языка: квантитативный аспект // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2018. № 4. С. 554–562.
10. Морозова Т. И. Гендерные характеристики диалектной картины мира донского казачества: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 212 с.
11. Толстова М. А. Отражение гендерной картины мира в наименованиях лиц женского пола в диалекте // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы: тр. и материалы междунар. конф. Казань, 2016. С. 292–298.
12. Демешкина Т. А. Базовые концепты в традиционной культуре и дискурсивных практиках (на материале русских и итальянских пословиц) // EUROPA ORIENTALIS. 2011. № 14/2. С. 165–176.
13. Мочалова Т. И., Пронина Ю. В. Концепт «женщина» как фрагмент диалектной языковой картины мира // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгресс исследователей русского языка: тр. и материалы. М.: Изд-во МГУ им. Ломоносова, 2010. С. 502–503.
14. Новоселова О. А. Невестка и свекровь в диалектной картине мира // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, № 9. С. 197–201.
15. Демешкина Т. А., Толстова М. А. Гендерная диалектология и словари как ее источник // Вопросы лексикографии. 2017. № 12. С. 83–105.
16. Волошина С. В., Демешкина Т. А. Миромоделирующий потенциал речевого жанра (на материале диалектной речи) // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2012. № 3 (19). С. 14–20.
17. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвистических исследований. СПб.: Норинт, 2008. 1534 с.

Толстова Мария Анатольевна, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: tolstova_11@mail.ru

Материал поступил в редакцию 04.27.2020.

VERBALIZATION OF IDEAS ABOUT A MAN IN A WOMAN'S AUTOBIOGRAPHICAL STORY

M. A. Tolstova

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Introduction. The article is devoted to the identification of ideas about men in women's dialect discourse.

Material and methods. The material of the research is women's autobiographical stories recorded by the author in dialectological expeditions in 2016–2019; the Tomsk dialect corpus, which includes the materials of expeditions organized by employees of the Tomsk State University from 1946 till the present day on the territory of Middle Ob dialects spread. The research is carried out in cognitive-discursive direction of gender linguistics.

Results and discussion. The basis for identifying gender ideas and stereotypes is linguistic opposition of "masculinity-femininity", in which the personal qualities of men and women and the characteristics of their behavior are contrasted. It is determined that a man less thrifty, more prone to drunkenness than a woman. The contrast between women and men is based on the division of labor responsibilities. An important parameter for verbalization of gender ideas is the status in marriage. It is reflected in the frequency of using of lexical unit *husband* and in significant number of synonyms for this unit. As a rule, women's stories about themselves and their lives are accompanied by characterization of their husband and life in marriage. The most vivid ideas about a man are recorded during description of his personal qualities. Women more often evaluate a man based on his working capacity, economic efficiency, and social achievements. Attitude to a wife and love between a wife and a husband is important in description of husband's characteristic. Drunkenness and aggressiveness of men are condemned. Such typically feminine qualities as loquacity, squabbling, and scandalous behavior, is negatively assessed for men.

Conclusion. The content of ideas about men is influenced by the features of rural existence, which is based on work, patriarchal gender stereotypes, socio-historical events and processes. The identified gender ideas have a discursive specificity due to the gender identity of the speaker.

Keywords: *gender, gender linguistics, dialect, autobiographical stories, man.*

References

1. Gritsenko E. S. *Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya gendera*. Dis. dokt. filol. nauk [Language as a mean of gender constructing. Diss. of doct. of philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2005. 401 p. (in Russian).
2. Kunitsyna E. V. *Gendernaya markirovannost politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty: na materiale predvyiborniyh rechey H. Klinton i B. Obamy*. Dis. kand. filol. nauk [Gender Marking of Political Discourse: Linguistic and Speech Aspects: Based on the Material of Pre-Election Speech by H. Clinton and B. Obama. Diss. cand. philol. sci.]. Stavropol, 2011. 249 p. (in Russian).
3. Chernykh O. Yu. Semioticheskie sredstva konstruirovaniya gendera v pedagogicheskom diskurse [Semiotic tools for constructing gender in pedagogical discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of CSPU*, 2012, no. 4, pp. 307–314 (in Russian).
4. Sergeyeva M. V. *Dinamika gendernykh reprezentatsiy v britanskoy tolkovoy leksikografii*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Dynamics of gender representations in British sensible lexicography. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2007. 27 p. (in Russian).
5. Dunyasheva L. G. *Lingvokul'turnyye osobennosti konstruirovaniya gendera v afroamerikanskom pesennom diskurse: na materiale zhanrov blyuz i rep*. Dis. kand. filol. nauk [Linguocultural features of gender construction in African American song discourse: based on the material of the blues and rap genres. Diss. cand. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2012. 234 p. (in Russian).
6. Lazeyeva N. V. *Yazykovoye konstruirovaniye gendera v diskurse glyantsevykh zhurnalov* [The language construction of gender in the discourse of glossy magazines]. *Vestnik KemGU – Bulletin of KemSU*, 2012, no. 4, pp. 21–24 (in Russian).
7. Demina M. V. *Gendernaya kontseptosfera britanskogo skazochnogo diskursa: ot traditsii k sovremennosti* [Gender conceptual sphere of the British fairy tale discourse: from tradition to modernity]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara University*, 2006, no. 10-2 (50), pp. 90–97 (in Russian).
8. Minets D. V. *Gendernaya kontseptosfera zhenskogo memuarno-avtobiograficheskogo diskursa*. Dis. kand. filol. nauk [Gender conceptual sphere of the female memoir-autobiographical discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Cherepovets, 2012. 177 p. (in Russian).
9. Chernyshova Ye. B. *Gendernaya spetsifika otsennochnoy strategii assotsiirovaniya nositeley russkogo yazyka: kvantitativnyy aspekt* [Gender specificity of the evaluation strategy for associating native speakers of the Russian language: quantitative aspect]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polilingualism and Transcultural Practices*, 2018, no. 4, pp. 554–562 (in Russian).
10. Morozova T. I. *Gendernyye kharakteristiki dialektnoy kartiny mira donsogo kazachestva*. Dis. kand. filol. nauk [Gender characteristics of the dialectal picture of the world of the Don Cossacks. Diss. cand. philol. sci.]. Volgograd, 2016. 212 p. (in Russian).

11. Tolstova M. A. Otrazheniye gendernoy kartiny mira v naimenovaniyakh lits zhenskogo pola v dialekte [Reflection of the gender picture of the world in the names of women in the dialect]. *Nauchnoye nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly* [Scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and modern vector of research of the Kazan linguistic school. Proceedings and abstracts of the International Conference]. Kazan, 2016, pp. 292–298 (in Russian).
12. Demeshkina T. A. Bazovyye kontsepty v traditsionnoy kul'ture i diskursivnykh praktikakh (na materiale russkikh i ital'yanskikh poslovits) [Basic concepts in traditional culture and discursive practices (based on Russian and Italian proverbs)]. *EUROPA ORIENTALIS*, 2011, no. 14/2, pp. 165–176 (in Russian).
13. Mochalova T. I., Pronina Yu. V. Kontsept “zhenshchina” kak fragment dialektnoy yazykovoy kartiny mira [The concept of “woman” as a fragment of the dialectal language picture of the world]. *Russian language: history and modernity. IV International Congress of Russian Language Researchers: Works and Materials. 2010* [Russian language: historical fate and modernity: IV International Congress of Russian Language Researchers: works and materials]. Moscow, Moscow State University Publ., 2010. Pp. 502–503 (in Russian).
14. Novoselova O. A. Nevestka i svekrov' v dialektnoy kartine mira [The daughter-in-law and the mother-in-law in dialectal picture of the world]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, no. 9, pp. 197–201 (in Russian).
15. Demeshkina T. A., Tolstova M. A. Gendernaya dialektologiya i slovari kak yeye istochnik [Gender dialectology and dictionaries as its source]. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*, 2017, no. 12, pp. 83–105 (in Russian).
16. Voloshina S. V., Demeshkina T. A. Miromodeliruyushchiy potentsial rechevogo zhanra (na materiale dialektnoy rechi) [World modelling potential of speech genre in dialect speech]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2012, no. 3 (19), pp. 14–20 (in Russian).
17. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Dictionary of the Russian language]. Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 2008. 1534 p. (in Russian).

Tolstova M. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050). E-mail: tolstova_11@mail.ru